

УДК 347.422

DOI: 10.17223/22253513/42/12

И.Д. Кузьмина

ПРИСУЖДЕНИЕ К ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАННОСТИ В НАТУРЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРА В ДОГОВОРНОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

Присуждение к исполнению обязанности в натуре является одним из востребованных в судебной практике способов защиты прав кредитора в договорном обязательстве. Имея довольно длительную историю своего становления в российском гражданском праве, оно получило вполне определенное законодательное закрепление в результате реформирования общей части обязательственного права в 2015 г. В статье выявлены оставшиеся нерешенными проблемы его правового оформления, обоснованы возможные направления оптимизации.

Ключевые слова: обязанность; исполнение в натуре; защита

В п. 8 ст. 12 ГК РФ среди прочих способов защиты гражданских прав указан такой, как присуждение к исполнению обязанности в натуре. В сфере обязательственного права указанный способ защиты обозначается как «исполнение обязательства в натуре» (ст. 308.1 ГК РФ). Как и абсолютное большинство способов защиты, он не имеет легального определения своего понятия, обозначения сферы и условий применения.

Рассматриваемый способ защиты относится к мерам принудительного воздействия на нарушителя, которые осуществляются, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, для обеспечения восстановления нарушенных прав и стабильности гражданско-правовых отношений (определения Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2109-О, от 28.01.2016 № 140-О, от 19.07.2016 № 1720-О и др.). Для восстановления нарушенных гражданских прав, как известно, могут применяться меры защиты, которые относятся к мерам гражданско-правовой ответственности, а также иные меры защиты [1]. Квалификационная характеристика применяемой меры не осуществляется непосредственно самим законодателем ни в нормах главы 2 «Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав» ГК РФ, которые лишь предлагают перечисление и краткое описание некоторых способов защиты, ни в нормах главы 25 «Ответственность за нарушение обязательства». В последней упоминаются различные меры, которые может применить кредитор в случае нарушения со стороны должника: возмещение убытков (ст.ст. 393, 393.1 ГК РФ), уплата неустойки (ст. 394 ГК РФ), уплата процентов на сумму долга (ст. 395 ГК РФ), требование исполнения обязательства в натуре (ст. 396 ГК РФ), исполнение обязательства за счет должника (ст. 397 ГК РФ), отобрание индивидуально-определенной вещи у должника и передача ее кредитору (ст. 398 ГК РФ).

При этом законодатель не определяет природу каждой из них и не предлагает формализованного перечня мер гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств. Попытка легальной квалификации мер ответственности предпринята в нормах главы 69 «Общие положения» ГК РФ, расположенных в Разделе VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации». В них при решении вопросов защиты интеллектуальных прав законодатель специально выделил меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав, устанавливая, во-первых, некий круг таких мер (возмещение убытков и выплата компенсации при нарушении исключительных прав), во-вторых, значение этого выделения, а именно: для целей учета такого условия их применения, как вина нарушителя (п. 3 ст. 1250 ГК РФ).

Доктринальное решение вопроса о признаках, которые отделяют меры гражданско-правовой ответственности от иных мер защиты, обыкновенно сводится к следующему: меры ответственности в отличие от иных мер защиты всегда носят имущественный характер [1; 2. С. 125; 3. С. 492]; представляют собой либо лишение имущественного права, либо возложение на должника-нарушителя новых или дополнительных имущественных обязанностей [1; 2. С. 124–125; 3. С. 139–143]; направлены на компенсацию понесенных потерпевшим потерь [2. С. 125; 3. С. 493], а значит – должны быть им соразмерны. Исходя из выявленных признаков, присуждение к исполнению в натуре, т.е. принуждение судом к исполнению существующей, а не дополнительной обязанности, согласно господствующему представлению, по своей природе относится к мерам защиты, не являющимся мерами гражданско-правовой ответственности [2. С. 124; 4. С. 141; 5]. Этим и объясняется правило п. 2 ст. 307.3 ГК РФ о праве кредитора помимо требования по суду исполнения обязательства в натуре привлечь должника к ответственности за нарушение обязательства. Несмотря на то, что нормы о праве кредитора требовать исполнения обязательства в натуре располагаются в главе 25 «Ответственность за нарушение обязательств» ГК РФ, к ним не применяются соответствующие правила, в частности о вине должника как основании ответственности, о вине кредитора и др.

В нормах российского обязательственного права этот достаточно традиционный способ защиты прав кредитора в той или иной форме был представлен в различные исторические периоды. В дореволюционном законодательстве правило о последствиях неисполнения обязательства было сформулировано в ч. 1 ст. 570 т. X Свода Законов Российской империи: «Всякий договор и всякое обязательство, в случае неисполнения, производят право требовать от лица обязавшегося удовлетворения во всем том, что поставлено в оных» [6. С. 129]. К.П. Победоносцев в своем трехтомном «Курсе гражданского права» следующим образом разъяснял смысл этого правила: «...когда добровольное исполнение не последовало, может быть исполнение принудительное, вопреки доброй воле и свободному действию повинного лица» [7. С. 173–174]. В трудах дореволюционных цивилистов отмечалась, что, несмотря на значимость для кредитора и нормального

гражданского оборота законодательного решения вопроса о праве требовать от обязавшегося удовлетворения, «наши гражданские законы не дают руководящих указаний, но они восполнены сенатской практикой и процессуальными законами» [8. С. 62].

Такое состояние законодательства порождало проблему определения границы применения замены «добровольного исполнения понудительным» [7. С. 173]. К.П. Победоносцев считал, что таковой выступает «суть исполнения (in re). Так, например, невозможно принудить человека к передаче имущества, составляющего особенную вещь, в ее тождестве, если он в последнюю минуту отказывается от передачи. Невозможно принудить человека к выдаче обязательства или к заключению договора... Это значило бы насиловать его волю» [Там же. С. 173–174]. К. Кавелин, напротив, ссылаясь на Устав гражданского судопроизводства, указывал, что возможно принудить «к выдаче индивидуально существующей реальной вещи или предмета (Уст. гражд. суд., ст. 933, п. 1, ст. 950, п. 7; ст. 1209–1211)», замечая при этом, что «нельзя принудить к выполнению более или менее сложных действий, в особенности таких, которые имеют индивидуальный характер, и даже к уплате денег» [9. С. 150].

В опубликованных в 1866 г. Государственной Канцелярией Судебных уставах «с изложением рассуждений, на коих они основаны», ст. 933 и последующая за ней ст. 934 Устава гражданского судопроизводства сопровождаются пояснениями о том, что предусмотренные ст. 933 способы исполнения судебных решений (в том числе передача имени в натуре) распространяются не только на случаи присуждения в пользу истца имущества или денег, но и на «иски о понуждении к исполнению договоров, как, например, о подрядах или поставках, а следовательно, возможны и такие решения, коими одна сторона будет обязана к определенному сроку произвести поставку, или подряд, или другое действие, контрагентом назначенное». При неисполнении этого решения применяется правило ст. 934, которая дает взыскателю право просить суд о разрешении «произвести за счет ответчика те действия или работы, которые не будут совершены сим последним в назначенный судом срок» [10. С. 442–443].

Известный российский цивилист А.М. Гуляев, осуществляя обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего сената и Проекта Гражданского уложения, в своем труде «Русское гражданское право» пришел к выводу о том, что «по общему правилу контрагент посредством суда может достигнуть осуществления приобретенного им по договору права», одновременно обращая внимание на случаи «невозможности исполнения обязательства в таком виде, как было постановлено при обосновании обязательства». Это положение автор проиллюстрировал решением Правительствующего сената 1880 г. № 118: «...когда принудительное исполнение обязательства представляется фактически невозможным, например, когда присужденная истцу вещь не оказалась в имуществе ответчика, или когда обязательство заключается в исполнении известных действий самим ответчиком, а не кем-либо другим.

В таком случае истец имеет право на вознаграждение убытков, понесенных им от неисполнения ответчиком своего обязательства» [11. С. 358–359].

В дореволюционной доктрине были представлены и суждения, которые содержали негативную оценку такому пониманию закона. Так, Г.Ф. Шершеневич считал, что суд не вправе принудить ответчика к исполнению условленного действия, объясняя свою позицию тем, что обязательство дает кредитору право на действия должника, но не на его личность или волю [12. С. 266–267]. Однако такой подход к вопросу о возможности требовать принуждения к исполнению в обязательственных отношениях не получил широкого признания, вследствие чего в Проекте Гражданского уложения [6] в Главе II «Договоры» закреплялось право верителя (кредитора) в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства требовать и платежа неустойки, и исполнения обязательства (ст. 1605). Это положение было детализировано для случаев «неисполнения должником обязательства, имеющего предметом передачу особливо определенного имущества»: кредитор мог «просить суд об отобрании имущества от должника и передаче ему, верителю» (ст. 1658), такое же право было предоставлено лицу, «купившему заменимые вещи» (ст. 1736); нанимателю – «в случае уклонения наймодавца от добровольной передачи отданного в наем имущества» (ст. 1820). Специально предлагалось решение вопроса о последствиях «неисполнения должником обязательства, имеющего предметом совершение действия, для которого не требуется личного участия должника»: веритель наделялся правом совершать действия за счет должника (ст. 1660).

В ГК РСФСР 1922 г. [6] не было общего правила относительно присуждения исполнения обязательства в натуре, но его действие предусматривалось для нескольких случаев: в случае неисполнения должником обязательства, предметом коего является предоставление в пользование индивидуально-определенной вещи (ст. 120); при отказе продавца передать покупателю проданное имущество (ст. 189); при продаже с недостатками вещи, определенной родовыми признаками (ст. 198). Отношения с участием социальных организаций регулировались в основном отдельными актами за пределами ГК РСФСР, в которых реальному исполнению обязательств уделялось особое внимание, в частности закреплялось правило о том, что взыскание убытков и уплата неустойки не освобождает сторону, уплатившую их, от исполнения договора [13, 14].

ГК РСФСР 1964 г. [6] впервые в качестве одного из основных положений в ст. 6 «Защита гражданских прав» называл такой способ защиты, как «присуждение к исполнению обязанности в натуре». Его конкретизация предлагалась в некоторых нормах Раздела III «Обязательственное право»: в ст. 217 предусматривалось право кредитора в случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь требовать отобрание этой вещи у должника; в ст. 221 предусматривалось правило о том, что «возмещение убытков, причиненных ненадлежащим исполнением обязательства, не освобождает должника от исполнения обязательства в нату-

ре»; в ст. 243 в качестве одного из последствий неисполнения продавцом обязанности передать проданную вещь устанавливалось право покупателя «требовать передачи ему проданной вещи»; аналогичное право предоставлялось и нанимателю в случае непредоставления имущества наймодателем (ст. 282) и т.д.

В доктрине такие правила интерпретировались как проявления одного из основных принципов советского обязательственного права – принципа реального исполнения обязательства (исполнения в натуре) [15. С. 239–245; 16. С. 13; 17. С. 291]. По мнению И.Б. Новицкого, «присуждение... кредитору денежной компенсации взамен реального исполнения (денежное возмещение убытков, возникших вследствие неисполнения) рассматривается в нашем гражданском праве как крайняя мера, к которой суд должен прибегать лишь в случае невозможности исполнения в натуре», например в случае гибели индивидуально-определенной вещи, или если содержанием обязательства является совершение действий, которые связаны с личностью должника, «так как такое принуждение несовместимо с личной свободой советского гражданина» [17. С. 293–294]. В качестве условия применения исполнения обязательства в натуре, наряду с указанными выше обстоятельствами, И.Б. Новицкий называл фактор хозяйственной нецелесообразности, которая может заключаться в несоразмерно больших затратах должника на реальное исполнение, трудностях и т.п. [18. С. 168].

В советской литературе обсуждались и вопросы допустимости применения этого способа защиты прав кредитора в зависимости от предмета обязательства (индивидуально-определенная вещь; вещь, определенная родовыми признаками; оказание услуг, производство работ и т.д.), а также способы (меры) реального исполнения обязательства. Наряду с отображением по суду вещи у должника и передачи ее кредитору к реальному исполнению относили: выполнение обязанности должника третьим лицом или самим кредитором за счет неисправного должника; признание судом договора заключенным, «если содержание договора сводилось к обязанности заключить новый договор» [Там же. С. 167–168]. При этом обращалось внимание на недопустимость вынесения решения об обязанности самого должника к реальному совершению действия (оказанию услуг, выполнению работ), поскольку это не установлено законодательством [16. С. 81].

Восприятие исполнения в натуре в качестве более важного, более нормального средства защиты в случае нарушения договора, нежели иск о «замене исполнения денежным эквивалентом» [18. С. 169], было обусловлено советской системой планового распределения, при которой именно исполнение в натуре, а не денежная компенсация, обеспечивало реальное удовлетворение потребностей в продукции и товарах. Слом этой системы и переход к построению рыночных отношений привел к девальвации такого способа защиты гражданских прав, поскольку, как считалось, «в этом сейчас нет необходимости. Изменились экономические условия, субъекты рынка реализуют частные интересы. Их цель – получение прибыли» [19], в условиях рынка и «конкуренции кредитор, не получивший от должника

исполнения в натуре, может поручить исполнение более надежному лицу» [20]. Поэтому действие права кредитора требовать исполнения нарушенного обязательства в натуре в постсоветском гражданском законодательстве было ограничено случаями ненадлежащего исполнения обязательства (п. 1 ст. 396 ГК РФ), а также неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь (ст. 398 ГК РФ); кроме того, право требовать исполнения в натуре было предоставлено Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» гражданину-потребителю (п. 3 ст. 13) [21].

Однако со временем отношение к советскому прошлому изменилось, и возобладало сожаление по поводу необдуманного отказа от тех положений советского права, которые «отвечают интересам участников обязательства» [22]. Пришло понимание того, что денежная компенсация, которую «в условиях современной России еще и нужно получить», вместо реального исполнения не наполнит магазины качественными и разнообразными товарами [23]. Предлагалось восстановить прежнее значение этого принципа, ссылаясь в том числе и на международную практику (ст. 46, 62 Венской конвенции о международных договорах купли-продажи), практику большинства европейских стран [23, 24].

Судебная практика также свидетельствовала о наличии интереса участников к исполнению обязательства в натуре. Чаще всего такие требования были связаны с передачей недвижимости, уникального оборудования, документации, необходимой для совершения каких-либо юридических действий, технической документации, разработанной по заданию заказчика, осуществлением строительных и монтажных работ (определения ВАС РФ от 20.03.2009 № 3765/09, от 16.03.2010 № 2564/10, от 05.05.2010 № ВАС-6333/10 и др.).

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 сентября 2009 г., были высказаны идеи «пользы с позиции защиты прав кредитора предоставления ему возможности по суду требовать принудительного исполнения обязательства в случае его неисполнения должником» [25].

Реализация обязательственно-правового блока Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации была осуществлена Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в Часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [26]. ГК РФ был дополнен новой статьей 308.3. «Защита прав кредитора по обязательству», которая закрепила положение о праве кредитора «в случае неисполнения должником обязательства...требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства».

По первому впечатлению, эта новая норма выводит использование указанного в ней способа защиты за пределы ранее обозначенных для него сфер и закрепляет его в значении общего правила, делающего излишним

дублирование в специальных нормах. Но с таким выводом не согласуются неизменившиеся положения ст. 396 ГК РФ «Ответственность и исполнение обязательства в натуре», которые по-прежнему закрепляют возможность использования этого способа защиты в зависимости от способа нарушения обязательства (ненадлежащее исполнение или неисполнение), освобождая должника, не исполнившего обязательство, в случае возмещения убытков и уплаты неустойки от исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором. Таким образом, мы наблюдаем внутренне противоречивое состояние законодательства относительно универсальности рассматриваемого способа защиты обязательственных прав.

Закрепив достаточно определенно в норме общей части обязательственного права ГК РФ правило о праве кредитора требовать исполнения обязательства в натуре, обеспечив его реализацию судебной неустойкой, законодатель так и не смог сформулировать его с ожидаемой «максимальной отчетливостью» [18. С. 169]: по-прежнему отсутствует нормативное определение понятия присуждения к исполнению обязательства в натуре; не обозначены с необходимой полнотой и очевидностью сферы применения и пределы (границы) действия данного способа защиты. Отсутствующие законодательные решения вынужден восполнять правоприменитель. Так, в судебной практике сформировалось следующее понятие данного способа защиты: «Исполнение обязанности в натуре означает понуждение должника выполнить действия, которые он должен совершить в силу имеющегося гражданско-правового обязательства» (Определение Верховного Суда РФ от 03.04.2017 № 305-ЭС17-1928 по делу № А40-146274/2014; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.03.2012 по делу № А66-10353/2011 и др.).

Поскольку обязанности должника в обязательстве могут быть активного и пассивного типа (обязан совершить действие или воздержаться от определенного действия), могут иметь различный характер в зависимости «от того предмета, на который направлены действия должника» [27. С. 62], то существует необходимость установления сферы применения такого способа защиты, как исполнение в натуре. Представляющий довольно ограниченный интерес вопрос о возможности его использования в обязательствах пассивного типа, предполагающих «воздержание должника от совершения определенных действий», был положительно разрешен в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательства» (в ред. от 22.06.2021; далее – Постановление № 7 [28]. Допустимость использования рассматриваемого способа защиты в зависимости от предмета исполнения лишь отчасти определена в ГК РФ для так называемых «неденежных и товарных обязательств», предполагающих передачу товара, а именно в отношении индивидуально-определенной вещи (ст. 398, п. 2 ст. 463 ГК РФ). В нормах о купле-продаже законодатель предоставляет покупателю право требовать исполнения в натуре при нарушении условий о количестве (п. 1 ст. 466 ГК РФ),

ассортименте (п. 2 ст. 468 ГК РФ), качестве (п. 2 ст. 475 ГК РФ), комплектности (ст. 480 ГК РФ) и так далее вне зависимости от принадлежности товара к индивидуально-определенным вещам. Способы восстановления нарушенного права кредитора в случае неисполнения обязательства выполнить работу, оказать услугу (в судебной практике эту группу обязательств называют «неденежными и нетоварными обязательствами») в соответствии со ст. 397 ГК РФ являются исполнение обязательства за счет должника третьим лицом или самими кредитором и возмещение убытков. В Постановлении № 7 предложено толкование этой нормы, исходя из представления об общем значении присуждения к исполнению обязательства в натуре в случае его неисполнения: «Указанная норма не лишает кредитора возможности по своему выбору использовать другой способ защиты, например потребовать от должника исполнения его обязательства в натуре либо возмещения убытков, причиненных неисполнением обязательства» (п. 25).

В судебной практике положения ст. 308.3 ГК РФ применяются и к иным «неденежным и нетоварным» обязательствам, в частности при неисполнении обязанности заключить договор (Решение Арбитражного суда г. Москвы от 11.07.2019 по делу № А-40-70122/19-172-193; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2021 № 09АП-6293/2021-ГК и др.). Вопрос о действии этого способа защиты в денежных обязательствах решен отрицательно: если должник не исполняет свою обязанность по уплате денег, то требование об исполнении обязательства в натуре и сопутствующее ему требование об уплате судебной неустойки за неисполнение судебного акта об обязании исполнения в натуре удовлетворению не подлежат (п. 30 Постановления № 7; Решение Арбитражного суда Московской области от 06.10.2016 по делу № А-41-55255/16; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 16.02.2017 по делу № А40-246334/16-10-2134 и др.).

Границы (пределы) применения присуждения к исполнению обязательства в натуре образуют случаи (условия), когда такой способ защиты не допускается. Однако прямого и вполне определенного решения этого важнейшего вопроса ст. 308.3 ГК РФ не предлагает, отсылая к ГК РФ, иным законам, договору или к существу обязательства.

Некоторую конкретику по этому, по сути, нерешенному в указанной норме вопросу внесло Постановление № 7. В нем в качестве такого условия предложена объективная невозможность исполнения в натуре: «При предъявлении кредитором иска об исполнении должником обязательства в натуре суд, исходя из конкретных обстоятельств дела, определяет, является ли такое исполнение объективно возможным» (п. 22). В судебном акте приводятся некоторые примеры такой невозможности исполнения обязательства в натуре: гибель индивидуально-определенной вещи, которую должник был обязан передать кредитору; правомерное принятие органом государственной власти или органом местного самоуправления акта, которому будет противоречить такое исполнение; неразрывная связь исполнения с личностью должника (например, исполнение музыкального произведения на концерте) (п. 23). Обращает на себя внимание, что этот перечень

содержит обстоятельства, которые с точки зрения закона могут привести к отпадению самой необходимости исполнения обязательства, так как являются элементами оснований его прекращения. Так, судебная практика традиционно квалифицирует гибель индивидуально-определенной (незаменимой) вещи как обстоятельство невозможности исполнения обязательства (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.09.2021 № Ф04-4883/2021 по делу № А70-19459/2020). Если такая невозможность исполнения наступила после возникновения обязательства и ни одна из сторон за нее не отвечает, то в соответствии со ст. 416 ГК РФ обязательство прекращается. Такое же влияние на судьбу обязательства оказывает издание акта органа государственной власти или органа местного самоуправления, повлекшее невозможность исполнения обязательства, если оно не вызвано неправомерными действиями (бездействием) самого должника (ст. 417 ГК РФ).

Указанные обстоятельства в случаях, предусмотренных ст.ст. 416, 417 ГК РФ, не могут оказать никакого целенаправленного влияния именно на сферу действия понуждения к исполнению в натуре, поскольку прекращают и обязанности должника по исполнению, и права кредитора требовать исполнения обязательства. Отсылка к ним в этой ситуации представляется неоправданной, способствующей смешению двух различных категорий: невозможности исполнения обязательства и невозможности использования такого способа защиты, как присуждение к исполнению обязанности в натуре. Прекращение обязательства по любому законному основанию, даже при сохранении объективной возможности исполнения его в натуре, вызывает отпадение права на защиту путем присуждения к исполнению в натуре. Вопрос о невозможности исполнения как границе (пределе) права кредитора использовать такой способ защиты, как присуждение к исполнению обязательства в натуре, может быть поставлен только в отношении действующего обязательства, которое не прекратило своего существования. Это может быть вызвано и гибелью индивидуально-определенной вещи, и принятием органом государственной власти или органом местного самоуправления акта, повлекшего невозможность исполнения обязательства, если отсутствуют дополнительные обстоятельства, которые с точки зрения закона необходимы для прекращения обязательства, и неразрывной связью исполнения с личностью должника. Такое же значение имеют:

- отсутствие у должника индивидуально-определенной вещи, которая подлежит передаче кредитору (п. 26 Постановления № 7; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.05. 2017 № 13АП-8356/2017);

- отсутствие у должника того количества вещей, определенных родовыми признаками, которое он по договору обязан предоставить кредитору, если исполнение обязательства невозможно путем приобретения необходимого количества товара у третьих лиц (п. 23 Постановления № 7; определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.07.2019 по делу № 305-ЭС18-22976, А40-220175/2017; от 04.07.2019

№ 305-ЭС18-22976). Такая невозможность может вытекать из характера товара (п. 2 ст. 455 ГК РФ), например предмет договора составляют лом и отходы драгоценных металлов, образующиеся в процессе деятельности конкретных космических и ракетных воинских частей (Определение ВС РФ от 04.07.2019 № 301-КГ18-25680 по делу № 305-ЭС18-22976), товар снят с производства либо прекращены его поставки (п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [29]).

А.Г. Карапетов невозможность исполнения в натуре неденежного обязательства усматривает в случаях, «если исполнение решения для должника крайне затруднительно и связанные с этим усилия никак не соизмеримы с интересом кредитора в получении реального исполнения», обосновывая это ссылкой на источники зарубежного права (ст. 7.2.2 Принципов УНИДРУА; п. 3 ст. III.-3:302 Модельных правил европейского частного права) [30]. Думается, что в условиях российского правопорядка, где в законе не указаны случаи невозможности реального исполнения обязательства, такое поведение кредитора при защите своих прав может быть расценено как злоупотребление правом с последствием в виде отказа в защите принадлежащего ему права (ст. 10 ГК РФ).

Наряду с объективной возможностью исполнения в натуре судебная практика в качестве условия применения данного способа защиты признает его эффективность, которая определяется с позиции «возможности реальной защиты оспариваемых или нарушенных прав сторон при выборе в данном конкретном случае такого способа защиты права, как присуждение к исполнению обязанности в натуре» (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 07.03.2000 № 3486/99). В Постановлении № 7 эта правовая позиция выражена следующим образом: «Не может быть отказано в удовлетворении иска об исполнении обязательства в натуре в случае, когда надлежащая защита нарушенного гражданского права истца возможна только путем понуждения ответчика к исполнению в натуре и не будет обеспечена взысканием с ответчика убытков за неисполнение обязательства, например обязанностей по представлению информации, которая имеется только у ответчика, либо по изготовлению документации, которую правомочен составить только ответчик» (п. 22).

Суды при рассмотрении требования об исполнении в натуре обязательств по передаче вещей, определенных родовыми признаками, а также неденежных и нетоварных обязательств (по выполнению работ, оказанию услуг и т.д.) выясняют возможность (невозможность) восстановления нарушенного права кредитора путем заключения договора взамен того, который не был исполнен или исполнен ненадлежащим образом должником, — так называемого заменяющего договора. Невозможность выполнения обязательства третьим лицом за счет должника (незаменимость должника в обязательстве), когда определенные действия может совершить только должник, свидетельствует о том, что именно присуждение к исполнению в натуре, а не взыскание с ответчика убытков, обеспечит восстановление

нарушенного права. Если кредитор не доказал такую невозможность, то и при наличии самой возможности исполнения обязательства в натуре должником суды зачастую отказывают в удовлетворении иска с мотивировкой, что предъявленный иск об исполнении обязанности не отвечает в данном случае общим критериям допустимости иска об исполнении в натуре – эффективности, адекватности, целесообразности (Определение ВАС РФ от 07.02.2013 № ВАС-966/13 по делу № А33-11680/2011; Постановление Девятого арбитражного апелляционного от 08.07.2016 № 09АП-26233/2016-ГК; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 03.07.2012 по делу № А33-11680/2011; Решение Арбитражного суда Республики Коми от 10.11.2020 по делу № А29-5956/2020; Решение Арбитражного суда Республики Коми от 12.02.2020 по делу № А29-4905/2019; Решение Арбитражного суда Красноярского края от 08.04.2015 по делу № А33-24834/2014 и др.).

Большое внимание в судебной практике уделяется и такому выработанному в ней условию применения рассматриваемого способа защиты, как исполнимость судебного решения о присуждении к исполнению в натуре, так называемой «невозможности исполнения в процессуальном смысле» [31].

Текущая судебная практика основана на правовых позициях Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенных в постановлениях Президиума ВАС от 07.03.2000 № 3486/99, от 14.08.2001 № 9162/00, в которых к критериям допустимости иска об исполнении в натуре отнесены возможность реального исполнения принятого решения исходя из положений Федерального закона «Об исполнительном производстве», возможности понудить должника что-либо сделать, возможности определения порядка, механизма, сроков исполнения обязательств в натуре. В многочисленных судебных актах по конкретным делам достаточно стереотипно обосновывается правовая позиция о недопустимости понуждения ответчика к исполнению обязанности по выполнению определенных неденежных и нетоварных действий: процессуальное законодательство не предусматривает прямое принуждение ответчика (путем применения силы) выполнять такого рода обязанности, а Федеральный закон «Об исполнительном производстве» не позволяет судебному приставу-исполнителю без участия ответчика совершить указанные действия (Определение Верховного Суда РФ от 08.09.2015 № 305-ЭС15-10136 по делу № А41-44534/2013; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.11.2015 № Ф04-26083/2015 по делу № А81-6887/2014; Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 24.09.2019 по делу № А45-27356/2019; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 23.10.2020 по делу № А40-115593/20-89-613; Решение Арбитражного суда Ростовской области от 01.09.2020 по делу № А53-10939/20; Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 20.02.2021 по делу № А75-17913/2020 и др.).

Достаточно массовая практика применения такого способа защиты, как присуждение к исполнению обязательства в натуре, интерес к которому в том числе связан и с наличием обеспечения в виде судебной неустойки,

свидетельствует о его актуальности и в условиях рынка. Выражение этого способа защиты, осуществленное впервые в российском правовом порядке в конкретной норме общей части обязательственного права, имеет несомненное положительное значение. Но при этом законодателю не удалось сформировать его правовую модель: не определено понятие этого способа защиты, формы (способы) его реализации, не установлены сферы и пределы (границы) его применения. Усилия судебной практики по восполнению существующих пробелов правового регулирования в целом заслуживают поддержки. Однако решение данной проблемы должно быть предложено в Гражданском кодексе, в котором необходимо сформировать совокупность правил, уточняющих понятие присуждения к исполнению обязательства в натуре, определяющих области применения, а также случаи, когда понуждение должника к реальному исполнению обязательства не допускается.

Ориентиром совершенствования законодательства может стать правоприменительная практика. Многие правовые позиции судов сформировались под влиянием научной доктрины, в которой этот способ защиты является предметом изучения, и имеют прочное научное обоснование. Однако с некоторыми, ставшими уже традиционными, положениями трудно согласится. Так, вызывают возражение такие выработанные судебной практикой и разделяемые доктриной [31] условия применения данного способа защиты, как его эффективность, целесообразность, адекватность. Они проявляются в действительности данного способа защиты, его способности адекватно обеспечить достижение цели защиты в виде восстановления нарушенного права. Такой подход не согласуется с началами диспозитивности, которые распространяются и на сферу защиты гражданских прав. Диспозитивность проявляется в том, что заинтересованные лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (ст. 9 ГК РФ), самостоятельно выбирают формы и способы защиты своих прав, не запрещенные законом, самостоятельно распоряжаются предоставленными законом правами (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.12.2014; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017), а также в невозможности принуждения лица к выбору определенного способа защиты нарушенного права (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2021 № 81-КГ20-8-К8, 2-653/2019). При выборе способа защиты заинтересованное лицо, действуя по своему усмотрению, обязано соблюдать требования Конституции РФ, федеральных законов, включая и Гражданский кодекс. Неэффективность, нецелесообразность и неадекватность этого выбранного в соответствии с правилами действующего законодательства способа защиты относятся к сфере ответственности заинтересованного лица. Мнение суда, что данный способ защиты не может привести к восстановлению нарушенного права, что этим целям служит другой, эффективный способ защиты, не является основанием отказа в удовлетворе-

нии законно заявленного требования, в том числе и такого, как требование исполнения обязательства в натуре, если при этом суд не выявит признаки злоупотребления правом на защиту. Как верно отмечено в решении Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 января 2020 г. по делу № А81-8900/2019, «присуждение к исполнению обязательства в натуре как способ защиты нарушенных прав не может быть применен только в случае объективной невозможности исполнения соответствующего обязательства. В остальном право выбора способа защиты нарушенных прав (понуждение к исполнению обязательства в натуре либо взыскание убытков, в том числе понесенных в результате поручения выполнения обязательства третьему лицу) принадлежит истцу».

Литература

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2001. 411 с.
2. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / науч. ред. Г. И. Петрищева. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. 212 с.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М. : Статут, 1997. 682 с.
4. Иоффе О.С. Общее учение об обязательствах : избранные труды : в 4 т. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. Т. III: Обязательственное право. 837 с.
5. Кархалев Д.Н. Последствия неисполнения обязательства в натуре // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 2. С. 47–52.
6. Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, Проект Гражданского уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург : Изд-во Ин-та частного права, 2003. 928 с.
7. Победоносцев К.П. Курс гражданского права : в 3 т. / под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. Т. 3. 608 с.
8. Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев : Т.А. Касперский, 1915. Вып. II: Обязательства, семейное и наследственное право. 427 с.
9. Кавелин К. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству : опыт системного обозначения. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 410 с.
10. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб. : Изд. Гос. канцелярии, 1866. Ч. I. 690 с.
11. Гуляев А.М. Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. сената и Проекта Гражд. уложения. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 638 с.
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М. : Спарк, 1995. 556 с.
13. О заключении договоров на 1934 год : постановление СНК СССР от 19.12.1933 // Собрание законов СССР. 1933. № 73. Ст. 445
14. Об утверждении Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и Положения о поставках товаров народного потребления : постановление Совета Министров СССР от 22.05.1959 № 539 // Собрание законов СССР. 1959. № 11. Ст. 68.
15. Агарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Центр ЮрИнфор, 2002. Т. I. С. 163–460.

16. Краснов Н.И. Реальное исполнение договорных обязательств между социальными организациями. М. : Госюриздат, 1959. 192 с.
17. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М. : Госюриздат, 1950. 416 с.
18. Новицкий И.Б. Реальное исполнение обязательства // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 143–171.
19. Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации (Часть первая) (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М. : Юрайт, 2002. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=6202#sXoiZrS63Dmwtvgtm>
20. Отнюкова Г. Исполнение обязательств // Российская юстиция. 1996. № 3, 4. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=1142#rfFjZrSSShJ9llzv>
21. О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
22. Фриев А.С. Исполнение гражданско-правовых обязательств между предпринимателями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 22 с.
23. Фролова Н.К. Договор поставки товаров нуждается в совершенствовании // Внешнеторговое право. 2009. № 1. С. 42–47.
24. Шумейко И.Ю. Проблемы исполнения обязательств в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
25. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009). URL: <https://base.garant.ru/12176781/>
26. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
27. Толстой В.С. Исполнение обязательств. М. : Юрид. лит., 1973. 208 с.
28. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательства : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (в ред. от 22.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.
29. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей : постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
30. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. 1120 с.
31. Громов А.А. Реализация требования об исполнении обязательства в натуре в позициях Пленума Верховного Суда // Закон. 2017. № 1. С. 68–83.

Kuzmina Irina D., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

ASSIGNMENT TO PERFORMANCE OF DUTIES IN KIND AS A WAY TO PROTECT THE RIGHTS OF THE CREDITOR IN A CONTRACTUAL OBLIGATION

Keywords: duty, performance in kind, protection.

DOI: 10.17223/22253513/42/12

One of the most popular ways of protecting the rights of a creditor in an obligation in court practice is the award of performance of the obligation in kind. Formed in the depths of the pre-revolutionary legal order and developed in Soviet civil law, it was only expressed quite definitely in a specific rule of the general part of the law of obligations in 2015. Article

308.3 of the Russian Civil Code gave the creditor, in the form of a general rule, the right to demand from the court the performance of an obligation in kind, unless otherwise provided by law, a contract or arising from the substance of the obligation, and secured its realisation by a sum of money which the court may award in its favour at the creditor's request in the event of non-performance of a judicial act (a judicial penalty). At the same time, the legislator failed to form a proper legal image of this method of protection: its concept, forms (methods) of implementation are not defined, the areas and limits (boundaries) of application are not established.

The lack of guidance in the law has traditionally been compensated for by legal positions developed in judicial practice. The most important issue is the cases that exclude the application of this method of protection. In the case law, these cases are caused by the impossibility of enforcing the obligation; the impossibility of enforcing the judgement that granted the creditor's claim to enforce the obligation in kind; and the failure to meet the requirements of efficiency, expediency and adequacy. The latter is manifested in the effectiveness of this method of protection, in its ability to ensure the achievement of the objective of protection in the form of restoration of the violated right.

This approach is inconsistent with the principles of dispositiveness on which civil law regulation is based. By virtue of these principles, the persons concerned are free to exercise their civil rights and to choose at their own discretion the forms and means of protecting their rights which are not prohibited by law; no one may be compelled to choose a particular means of protecting an infringed right. This freedom may be restricted only on the basis of federal law. The opinion of the court that the method of protection chosen by the person concerned cannot lead to the restoration of the infringed right is not a basis for refusing to satisfy a legally declared claim, including such a claim as to perform the obligation in kind, unless the court finds evidence of abuse of the right of protection (Article 10 of the Civil Code). The Civil Code should be the appropriate level of solution to the problems that exist in the area of such a method of protection as the in-kind performance of an obligation, which should form a set of rules clarifying its concept, defining the areas of application, as well as cases where forcing the debtor to actually perform an obligation is not allowed.

References

1. Griбанov, V.P. (2001) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and protection of civil rights]. Moscow: Statut.
2. Yakovlev, V.F. (1972) *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy* [Civil law method of regulation of public relations]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
3. Braginskiy, M.I. & Vitryanskiy, V.V. (1997) *Dogovornoe pravo: obshchie polozheniya* [Contract law: general provisions]. Moscow: Statut.
4. Ioffe, O.S. (2004) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stvakh: izbrannye trudy* [General Doctrine of Obligations: Selected Works]. Vol. 3. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
5. Karkhalev, D.N. (2017) Consequences of Default in Kind. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 2. pp. 47–52. (In Russian).
6. Alekseev, S.S. et al. (ed.) (2003) *Kodifikatsiya rossiyskogo grazhdanskogo prava: Svod zakonov grazhdanskikh Rossiyskoy Imperii, Proekt Grazhdanskogo ulozheniya Rossiyskoy Imperii, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1922 goda, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1964 goda* [Codification of Russian civil law: Code of Civil Laws of the Russian Empire, Draft Civil Code of the Russian Empire, Civil Code of the RSFSR of 1922, Civil Code of the RSFSR of 1964]. Ekaterinburg: Institute of Private Law.
7. Pobedonostsev, K.P. (2003) *Kurs grazhdanskogo prava: v 3 t.* [Civil Law: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Zertsalo.
8. Sinayskiy, V.I. (1915) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Kiev: T.A. Kasperskiy.

9. Kavelin, K. (1879) *Prava i obyazannosti po imushchestvam i obyazatel'stvam v prime-nenii k russkomu zakonodatel'stvu: opyt sistemnogo oboznacheniya* [Rights and obligations on property and obligations as applied to Russian legislation: experience of system designation]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

10. Russia. (1866) *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany* [Judicial statutes, November 20, 1864, with a statement of the reasoning on which they are based]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. Gos. kantselyarii.

11. Gulyaev, A.M. (1913) *Russkoe grazhdanskoe pravo: obzor deystvuyushchego zakonodatel'stva, kassatsionnoy praktiki Prav. senata i Proekta Grazhd. Ulozheniya* [Russian civil law: the current legislation, cassation practice of the Senate and the Civil Regulation Project]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

12. Shershenevich, G.F. (1995) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.)* [The Textbook of Russian Civil Law (according to the 1907 edition)]. Moscow: Spark.

13. USSR. (1933) O zaklyuchenii dogovorov na 1934 god: postanovlenie SNK SSSR ot 19.12.1933 [On the agreements for 1934: Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of December 19, 1933]. In: *Sobranie zakonov SSSR* [The USSR Collection of Laws]. Vol. 73. Art. 445

14. USSR. (1959) Ob utverzhdenii Polozheniya o postavkakh produktsii proizvodstvenno-tekhnicheskogo naznacheniya i Polozheniya o postavkakh tovarov narodnogo potrebleniya : postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 22.05.1959 № 539 [On the approval of the Regulations on the supply of industrial and technical products and the Regulations on the supply of consumer goods: Decree No. 539 of the Council of Ministers of the USSR of May 22, 1959]. In: *Sobranie zakonov SSSR* [The USSR Collection of Laws]. Vol. 11. Art. 68.

15. Agarkov, M.M. (2002) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t.* [Selected Works on Civil Law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Tsentr YurInfor. pp. 163–460.

16. Krasnov, N.I. (1959) *Real'noe ispolnenie dogovornykh obyazatel'stv mezhdru sotsialisticheskimi organizatsiyami* [Real fulfillment of contractual obligations between socialist organizations]. Moscow: Gosyurizdat.

17. Novitskiy, I.B. & Lunts, L.A. (1950) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [The General Doctrine of Obligation]. Moscow: Gosyurizdat.

18. Novitskiy, I.B. (1948) Real'noe ispolnenie obyazatel'stva [Real fulfillment of the obligation]. *Trudy nauchnoy sessii Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk* [Proceedings of the Scientific Session of the All-Union Institute of Legal Sciences]. June 1–6, 1946. Moscow: Yurid. izd-vo MYu SSSR. pp. 143–171.

19. Abova, T.E. & Kabalkin, A.Yu. (eds) (2002) *Kommentariy k Grazhdanskomu Kodeksu Rossiyskoy Federatsii (Chast' pervaya) (postateynyy)* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (Part One) (by articles)]. Moscow: Yurayt. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=6202#sXoiZrS63Dmwrvm>

20. Otnyukova, G. (1996) Ispolnenie obyazatel'stv [Fulfillment of obligations]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3, 4. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=1142#rffjZrSSShJ9llzv>

21. Russian Federation. (1996) O zashchite prav potrebiteley: zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 [On the protection of consumer rights: Law No. 2300-1 of the Russian Federation of February 7, 1992]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 3. Art. 140.

22. Frieve, A.S. (1999) *Ispolnenie grazhdansko-pravovykh obyazatel'stv mezhdru predprinimatel'yami* [Fulfillment of civil obligations between entrepreneurs]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.

23. Frolova, N.K. (2009) Dogovor postavki tovarov nuzhdaetsya v sovershenstvovanii [The contract for the supply of goods needs to be improved]. *Vneshnetorgovoe pravo*. 1. pp. 42–47.

24. Shumeyko, I.Yu. (2009) *Problemy ispolneniya obyazatel'stv v grazhdanskom prave* [Problems of fulfillment of obligations in civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

25. Russian Federation. (2009) *Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009)* [The concept of development of the civil legislation of the Russian Federation: (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation of October 7, 2009)]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/12176781/>

26. Russian Federation. (2015) *O vnesenii izmeneniy v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 08.03.2015 № 42-FZ* [On amendments to the first part of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 42-FZ of March 8, 2015]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 10. Art. 1412.

27. Tolstoy, V.S. (1973) *Ispolnenie obyazatel'stv* [Execution of Obligations]. Moscow: Yurid. lit.

28. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *O primenении sudami nekotorykh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stva: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 № 7 (v red. ot 22.06.2021)* [On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligation: Resolution No. 7 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 (as amended on June 22, 2021)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 5.

29. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *O rassmotrenii sudami grazhdanskikh del po sporam o zashchite prav potrebiteley : postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 № 17* [On the consideration by the courts of civil cases on disputes about the protection of consumer rights: Resolutions No. 17 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2012]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 9.

30. Baybak, V.V., Bevzenko, R.S., Belyaeva, O.A. et al. (2017) *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast') : postateynny kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Contractual and obligation law (General Part): article-by-article commentary on articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: M-Logos.

31. Gromov, A.A. (2017) *Realizatsiya trebovaniya ob ispolnenii obyazatel'stva v nature v po-zitsiyakh Plenuma Verkhovnogo Suda* [Implementation of the requirement to execute an obligation in kind in the positions of the Plenum of the Supreme Court]. *Zakon*. 1. pp. 68–83.